

1 Почему существует зло?

Больницы переполнены заразившимися. Некоторые люди умерли, или умирают. Церкви закрылись. Ограничено передвижение, люди теряют работу, многие близки к отчаянию.

Как осмыслить происходящее? Что сказать человеку, который недавно потерял близких? Как представление о благом и всемогущем Боге сочетается со страданиями и смертью, несправедливостью и жестокостью, царящими в мире? Существует ли благой, всемогущий Бог?

Все это не просто аргументы, которые любят использовать противники христианства. Часто такие вопросы можно услышать из уст людей, столкнувшихся с личной трагедией и не могущих найти опоры в существующих объяснениях.

Первая реакция христианина на такие вопросы, практически доведенная до автоматизма, будет такой: “это наказание за грехи”. Но почему за грехи одного должен отвечать другой? Например, невинное и чистое дитя — за грехи родителей?

А что если страдает не человек? Как мучительная смерть лани, получившей страшные ожоги во время пожара в глухом лесу, вписывается в картину благого творения, о котором Бог говорит “хорошо весьма”? Как быть с таким бессмысленным страданием?

Как в картину благостного творения вписывается зверства нацистов, построивших в Польше ужасающие фабрики смерти, в которых травили газом и сжигали детей и женщин? Теракт в Беслане, взрывы в московском метро, другие примеры ужасающего зла, — как Бог мог все это допустить?

Ясно, что “теодицея наказания” не может объяснить масштабов и глубины кошмара, в который постоянно погружается человечество. К тому же, концепция “мстительного Бога” не сочетается с евангельской идеей о божественной Любви Бога к человечеству (это любимая тема некоторых проповедников атеизма). Характер и масштабы зла, совершившегося в XX веке, также заставляют усомниться в достаточности такого объяснения.

Следующая предсказуемая реакция на проблему: “в зле, окружающем нас, виноват не Бог, а человек”. Согласно этому подходу, причина возникновения зла — в неправильном использовании свободной воли людьми и ангелами. Вроде бы, такой довод работает, но не все так просто.

Рассмотрим аналогию: отец подарил своему любимому сыну

пистолет. Сын вскоре свел счеты с жизнью, выстрелив себе в голову. Не ложится ли часть вины за случившееся на отца, особенно, если тот знал о склонности своего сына к самоубийству? В этой аналогии отец — Бог, сын — человечество, пистолет — свободная воля. Если мы принимаем, что Бог дал человеку свободную волю, сложно делать вид, что Он не имеет отношения к разразившейся трагедии¹.

Итак, цена свободной воли для человечества оказывается слишком высокой. Особенно если вспомнить о такой особенности традиционной ортодоксии, как учение о вечной муке. Обреченность какого-то количества мыслящих существ на вечное мучение сложно совместить с евангельским учением о Боге любви. Если неизбежным побочным продуктом дара свободной воли оказывается вечная мука, то теодицея невозможна, мы можем лишь предложить защиту. Все, что может сказать богослов, не впадая в оригенизм: я верю, что у Бога есть причина, по которой он допускает такое зло, **но я не знаю этой причины**².

К аргументу от свободной воли обычно присоединяют рассуждение о “меонности” зла³. Благой Бог не мог сотворить ничего плохого, однако мы наблюдаем проявления зла в мире. Откуда взялось зло, если оно не сотворено?

Во-первых, зло могло существовать всегда, наравне с Богом. Это означало бы, что могущество Бога ограничено противоборствующим злым началом (например, хаосом), или злым божеством. Христианин не может принять такую картину мира, ведь Бог — всесовершенное Существо, с Которым ничто не может соперничать.

Во-вторых, зло, быть может, лишь кажется человеку злом, а на самом деле, сталкиваясь с неприятными и даже невыносимыми ощущениями и фактами жизни, мы всего лишь обобщаем свой негативный опыт и так делаем вывод о существовании универсального зла? Что если зло это всего лишь одна из сторон реальности, которая нам “не нравится”? Такой взгляд вполне можно вписать в религиозную картину мира: так буддисты успешно делают вид, что никакого зла на самом деле не существует.

Третий вариант: зло это не сущность. Оно является только как

¹Не будем, впрочем, забывать о том, что история человечества еще не завершена. Сцена не достигла своего финала. Судьба “самоубийцы” — не безнадежна, она по-прежнему в руках Бога.

²Перефразируя А. Плантингу: теизм непротиворечив, так как у Бога могут быть причины допущения зла, о которых теисту не обязательно сообщать в первую очередь.

³От греч. μή ὂν, не существующее.

результат неверного направления свободной воли. Связав эту неоплатоническую идею с библейским нарративом о грехопадении, Ориген на Востоке и Августин на Западе предложили новое объяснение зла, которое затем вошло в традицию христианского богословия. Сторонники этого аргумента часто используют метафору тьмы и света. Как тьма не есть сущность, а всего лишь недостаток света, так и зло — всего лишь недостаток добра.

К сожалению, это объяснение слишком похоже на буддийское “зла вообще-то нет”. Человек это не полено, плывущее по реке, он замечает активную природу зла, ее особенную злокозненность, античеловечность. Этическая уязвимость этой позиции также очевидна. Распространяться о меонности зла у одра умирающего ребенка — непростительная жестокость по отношению к нему и его родителям. Этот аргумент следует оставить для академических дискуссий, он почти бесполезен в полевой работе.

Гораздо полезнее другая идея. Св. Василий Великий говорит о том, что нужно различать “зло в ощущении” от зла “по существу”. Все мучительное, неприятное для человека имеет свою причину в зле по существу (в грехе, в страстях). Например, войны, геноцид, убийства, притеснение слабых, бедность — следствие нравственной испорченности человека. Нам некого винить в своих бедах, кроме самих себя. Осознание этого факта дает некоторое утешение и смягчает остроту проблемы зла.

В данном случае во главу угла ставится не преступление и наказание, а болезнь и жажда исцеления. Грех это болезнь, поразившая нашу волю. Мы болеем злом и заразили им остальной космос. С тех пор зло паразитирует на человеческой природе, оно — как гниль на дереве, ржавчина на металле. В этом случае Бог это не космический палач, а хирург, с помощью острого скальпеля удаляющий гниющие члены с тем, чтобы спасти пациента (св. Василий также использовал образ прижигания раскаленным инструментом для остановки заражения).

Читатель, конечно, заметил, что этот вариант теодицеи тоже не отвечает на вопрос: “откуда взялось зло”? Допустим, свободная воля, не предполагающая возможности отвержения добра, метафизически нереализуема. В этом случае мы придем к тому, что Богу понадобилось зло для того, чтобы свободная воля “работала”⁴.

⁴Компатибилистский вариант, при котором свободная воля совместима с предопределением мы не рассматриваем, т.к. свобода воли интуитивно

Возможно мы приблизимся к истине, если предположим, что в появлении зла виновата некая дефицитарность творения, его случайная природа? Она не связана с ущербностью “дизайна”, но существует по причине того, что все, кроме Бога, “начало быть”. Причина зла — “ничто”, из которого сотворен мир, и к которому неудержимо стремится.

Откуда взялось “естественное зло” — землетрясения, тайфуны, пожары? Многие говорят о том, что грехопадение Адама и Евы “сломало” добрый мир, сотворенный Богом. И что же? В результате у динозавров внезапно выросли огромные зубы, так что они уже не могли щипать травку, но стали плотоядными, что-то случилось с погодой, земля перестала давать обильные плоды, откуда-то взялись комары и вирусы...

Не будем отвлекаться на частности, попытаюсь примирить научный “таймлайн” с библейским “Шестодневом”. Главная богословская проблема гораздо серьезнее — эволюция наших представлений о масштабе “вселенной”. Понимание устройства мира очень серьезно изменилась с тех пор, как о проблеме зла писали Каппадокийцы. Звезды отступили на немыслимое расстояние, превратившись в гигантские раскаленные шары плазмы, вещество оказалось состоящим не из четырех стихий, как учили отцы, а из мельчайших частиц, невидимых глазом (привет от Демокрита и Эпикура)⁵.

В результате грехопадение приобретает совершенно титанический масштаб. Оно не просто вырачивает шипы у розы и внушает комару желание напиться крови грешников. Учитывая то, что существование материального мира, по-видимому, изначально связано с энтропией, тлением (иначе мы бы не видели звезд, излучающих свет в результате реакции ядерного *распада*), Адам и Ева фактически становятся демиургами, которые изменили замысел Творца о мире и полностью пересоздали его в совершенно ином, мрачном ключе⁶. Ведь смерть живых

связывается человеком с возможностью выбрать “меньшее благо”, зло.

⁵И это еще пол беды. Выяснилось, что в микромире действуют не законы причины и следствия, а статистические закономерности, в основе которых лежит случайность. Это коренным образом меняет наше представление о мире. Автоматон Аристотеля вновь поднимает голову, а представление о непрерывном Промысле подвергается серьезному испытанию. Впрочем, некоторые богословы используют “случайность” на пользу дела. Так Ван Инваген допускает, что иногда “вещи просто случаются”. Евангелие не говорит нам, что все события *предопределены* Богом. Оно говорит нам, как просить Бога о помощи, чтобы пронести данный нам крест.

⁶Можно рассмотреть идею о творении мира Богом как набора вероятностей, мира, похожего на волновую функцию в физике. Адам и Ева “заглянув внутрь” (познание добра и зла) схлопывают эту функцию по самой неблагоприятной “траектории” и оказываются в середине истории мира, где царствует энтропия

организмов это следствие энтропии. Сама способность умереть встроена в круг жизни: сменяемость поколений наблюдается в нашем мире с незапамятных времен.

Итак, идея о первородном грехе, который “сломал” тварный мир должна быть, по-видимому, ограничена этической сферой. Энтропия и распад, судя по всему, встроены в нашу вселенную с самого начала.

Возможно, подходящим решением, которое не противоречило бы столь остро современной космологии и не создавало бы разрыва с традиционным библейским представлением о Творении, является представление о Эдеме, как о некоем “анклаве”, где Бог сохранял первых людей от разрушительного действия хаоса. Здесь не было смерти, все живое существовало в гармонии. Но вне границ Эдема действовали силы распада и грехопадение ставит первых людей в условия болезней, страдания, постоянной борьбы за выживание...

Оставим в стороне второстепенные проблемы этой картины и обратимся к главной: мы по-прежнему рассматриваем возможность творения Богом смерти. Некоторые мыслители пытаются обойти эту трудность рассуждением о том, что смерть в животном мире это нечто естественное, свойственное неразумной природе. Однако, достаточно посмотреть в глаза животному, обреченному на смерть, чтобы понять, что она ужасна и противоестественна не только для человека.

Но правильно ли мы говорим о смерти, рассматривая ее как однозначное понятие? Вполне вероятно, грехопадение состояло в том, что распад и тление были перенесены человеком из материального мира в духовный, в сферу нравственности (“духовная смерть”).

Сам по себе распад и тление не является чем-то чуждым для материи и даже для биологической жизни. Возможно, грехопадение усилило степень разрушения, но сам принцип уже присутствовал во вселенной.

Можно предположить, что энтропийность сотворенного мира связана с необходимостью: хаос, стохастическая неопределенность нашей вселенной создают среду, где человек может не только однажды проявить свою волю, но снова и снова переживать неопределенность и выбирать... Итак, энтропия как дизайн, как намеренная конструктивная особенность вселенной,

и уже “задним числом” вымерли тиранозавры. Такая богословская экзотика также подвержена озвученному недостатку: роль Адама и Евы в истории мира возрастает до непропорциональных масштабов. С другой стороны, такое решение снимает проблему естественного зла.

заложенная Творцом, может быть основой для возникновения нового ответа на аргумент от зла, сочетающего черты теодицеи свободной воли и еще одного подхода к проблеме.

Обучение человека добродетели является лейтмотивом т.н. “воспитательной теодицеи”, родоначальником которой считают св. Иринея Лионского. Зло попущено Богом для того, чтобы человек научился управляться со своей волей, достиг нравственного совершенства. Интуиция воспитания кажется правильной, в нее вписывается библейская тема Бога как Отца, а людей как детей Божиих.

Хрестоматийный пример: во время военных действий в окоп прилетает вражеская граната. Все присутствующие должны погибнуть. Однако один из солдат закрывает гранату своим телом и героически спасает остальных. Этот подвиг был бы невозможен, если бы не существовало войны, гранат и самой смерти.

В этой истории можно усмотреть метафору Креста. Ведь если бы не существовало зло, невозможен был бы и подвиг Господа Иисуса. Бог хотел пострадать за людей, пройти через муки энтропийного, падшего мира, чтобы вместе со своими верными друзьями (см) праздновать победу над смертью и тлением в вечном Воскресении.

Тогда яснее становится смысл торжества Спасителя. Это поистине космическая победа, совершающая божественный замысел о мире и человеке, упраздняющая случайное и преходящее, утверждающая вечное и нетленное. В Воскресении из мертвых уже нет “или”, а есть только “да”.

Приобщение к Кресту Христа через страдания является еще одной темой, которая явно заслуживает нашего пристального внимания. И вопрос этот непростой. Что стало с душами еврейских детей, которых нацисты замучали и сожгли в Аушвице? Бог отправил их в Ад, потому что они не были крещены? Что имел в виду Христос, сказав “всех привлеку к Себе”? В Писании есть места, указывающие на тайну посмертной участи человека. Например, о сошествии во Ад Христа и проповеди допотопному человечеству...

Вспомним пророка: Он был мучим за беззакония и наши... Наказание мира нашего на Нем, раной Его мы все исцелились.

Что же нам делать у постели тяжело больного человека, или его родственников? Попробовать использовать одну из описанных теодицей? Возможно. Но гораздо важнее проявить человеческое сочувствие, разделить боль и тревогу

человека, помолиться вместе с ним Христу, который здесь, среди страданий и смерти — вместе с нами, взирает на нас с Креста и соединяет нас с Собой через страдание.

Конечно, следует пригласить священника, чтобы божественная благодать, подаваемая в Таинствах, у врачевала душу нашего брата, или сестры, облегчила страдания, укрепила веру в будущее воздаяние, когда Бог “отрет всякую слезу их”.